

Зенько Юрий Михайлович
(Санкт-Петербург)

НАУЧНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация: С точки зрения христианского мировоззрения нежелательно и вредно использовать такие методы, которые подавляют волю пациента, формируют психологическую зависимость от специалиста, уводят человека от реальных проблем, приводят человека к измененным состояниям сознания, явно или скрыто манипулируют человеком. Не только с христианской, но и с психологической точки зрения важно, чтобы при оказании психологической помощи человек делал осознанный выбор, нес за него ответственность, прикладывал личные усилия, становился более целостным. Выделен ряд критериев для оценки психологических и психотерапевтических методов и направлений: ересилогический, антропологический, личностный, критерий психологической и духовной безопасности, критерий соответствия традиционным российским духовно-нравственным ценностям, критерий целостности.

Ключевые слова: научные критерии, религиозные критерии, психология, психотерапия, антропология, методы, направления, безопасность, целостность, христианство, православие, ересь, свобода воли, ответственность, осознанный выбор.

Сразу оговоримся, что речь пойдет не об «эффективности методов и методик», которая, как показали специальные ис-

следования, у всех психотерапевтических направлений практически одинакова (Weiner, Bornstein. 2009), и честно говоря, находится на грани внушаемости и плацебо эффекта (плюс фактор личностной поддержки от психотерапевта или психолога).

Речь пойдет о том, как православным и обычным людям, нуждающимся в психологической или психотерапевтической помощи, не потерять от этой помощи больше, чем они приобретут. Чтобы при решении своих частных психологических проблем, они не повредили своей душе. И с христианской, и с нормальной психологической точки зрения это неправильное соотношение тактики и стратегии, когда можно выиграть битву, но проиграть сражение. Например, если человек бросил пить, но приобрел гордыню: «я же бросил пить!». С христианской точки зрения это плохой вариант, поскольку меньшую страсть (винопитие) заменила большая (гордыня).

Еще худший вариант, и с христианской, и с психологической точки зрения, когда вместе с психологической помощью или под видом психологической помощи подается «духовная практика», оккультизм и т. д. И предполагаемый закон о психологической помощи населению не решит эту проблему, поскольку раз есть спрос, будет и предложение. Есть оккультисты, которые специально получили психологическое образование, чтобы иметь право называться психологами. Но от диплома психолога и психологического образования характер их прежней деятельности не поменялся.

С другой стороны, и это не менее важно, есть множество профессиональных психологов (со степенями и званиями), которые в погоне за «духовностью», ушли дорогой на Восток, с использованием восточных религиозных и философских учений. На Западе сформировалось целое такое направление — **трансперсональная психология**, базирующаяся на буддизме.

Не лучше обстоят дела и в «обычной» западной психологии. Без преувеличения можно сказать, что вся западная культура в настоящее время базируется на **психоанализе**,

но исследование его основ показывает, что в строгом смысле этого слова он ненаучен, и в нем присутствуют оккультные элементы (Антоний (Логинов). 2003; Дронов. 1998). Известный отечественный психолог Тамара Александровна Флоренская (1936–1999) писала: «Долгое время изучая и анализируя зарубежные теории “глубинной” психологии — психоанализа, аналитической психологии К. Г. Юнга, психосинтеза, гуманистической психологии, я не стала сторонницей ни одной из них» (Флоренская. 2001, с. 7). В частности: «Фрейдковский психоанализ был мне скучен своей откровенной бездуховностью и беспросветной погруженностью в вытесненные сексуальные проблемы» (Там же).

А вот мнение психолога и православного священника в одном лице: «техники, основанные на психоаналитическом подходе, рекомендации, которые дают психотерапевты, психоаналитически настроенные, неприменимы к православному человеку. Я знаю реальные случаи пагубности таких опытов» (Гусев. 2003, с. 190).

Основанием **гуманистической** психологии является идея «безусловной любви», но которая оказывается и без христианства, и без Христа (Юревич. 2000). С христианской точки зрения работа с потребностями, согласно широко известной «пирамиде потребностей» А. Маслоу, строится совершенно неверно (Зенько. 2023, с. 156–157).

По признанию основателей **НЛП** (Нейро-лингвистического программирования) Р. Бэнндлера и Д. Гриндера, через совершенствование обычных сенсорных модальностей они хотят обнаружить экстрасенсорные каналы восприятия информации, и этой цели они даже посвящают специальную исследовательскую программу (см.: Зенько. 2009, с. 208).

Аналитическая (глубинная) психология Карла Юнга (1875–1961) по своим источникам и направленности является больше оккультно-мистическим учением, чем собственно психологией (Нолл. 1998). Поэтому в церковном «Чине отречения от занятий оккультизмом» вместе с экстрасенсорикой, биоэнергетикой, астрологией, парапсихологией и т. д. приво-

дится и глубинная психология Карла Юнга (Чин отречения... 1996, с. 182).

Что тогда делать: отбросить всю психологию вообще? Нет, это — не выход. Необходим **критический анализ** психологических направлений и методов — и в первую очередь с религиозной, христианской точки зрения, если речь идет о пациентах христианах, или об использовании методов в христианском душепопечении. Уже есть опыт подобной работы (Швецов и др. 2001). Было определено, что с точки зрения христианского мировоззрения нежелательно и вредно использовать такие методы, которые подавляют волю пациента (гипноз, различные формы суггестии), формируют психологическую зависимость от врача (психоанализ), уводят человека от реальных проблем в мир иллюзий, приводят человека к измененным состояниям сознания, явно или скрыто манипулируют человеком. Это вполне определенные и ясные критерии, которые помогли бы избежать многих проблем и специалистам, и их клиентам.

В формулировке критериев попытались соединить практические и теоретические аспекты, выделив, например, такие критерии как христоцентричность и экклезиоцентричность. В психологическом аспекте, это, конечно, идеализация: ни один из психологических методов не направляет человека к Христу и Церкви, поскольку изначально у этих методов другие цели и задачи. Поэтому, на наш взгляд, более актуален противоположный критерий, **ересиологический**: насколько психологический метод противоречит христианству, отдаляет человека от Христа и Церкви, имеет оккультный характер и т. д.

В светском варианте этот критерий можно сформулировать как критерий **психологической и духовной безопасности**. И сами профессиональные психологи заинтересованы в том, чтобы под видом психологической помощи не происходило вовлечение людей в какие-нибудь секты или деструктивные культы. Яркий пример тому — дианетика, которая активно использовала психологическое знание для

вербовки своих новых членов. Принцип «не навреди» в полной мере относится и к психологии, и к психотерапии. И сотрудничество с христианством, с его охранительной традицией, здесь было бы, безусловно, очень кстати.

Кроме того можно говорить о критерии соответствия традиционным российским **духовно-нравственным ценностям** — где православие будет подразумеваться как основной культуро-образующий фактор.

По этим критериям можно и нужно оценивать не только отдельные методы, но и целые психологические и психотерапевтические направления (школы) и их основателей.

Просто наивно полагать, как до сих пор делают некоторые психологи, что личный оккультизм К. Юнга никак не проявился в его глубинной психологии. Телесно-ориентированная психотерапия выросла из оккультных и восточных идей В. Райха (1897–1957), который в погоне за «оргонной энергией», аналогом восточной «ци», попал в тюрьму, где и скончался. Основанием позитивной психотерапии Н. Пезешкиана является не просто «гуманистический подход» и «духовный опыт», а бахаизм. Что, кстати, он сам и не скрывал, и о чем вынуждены были написать и в Википедии, в статье о «Позитивной психотерапии».

Важным является **антропологический** критерий: в основании любого психологического учения лежит определенное виденье человека, своя антропология. Большая часть западных психологических направлений так или иначе имеет психоаналитическую подоплеку, что проявляется и на инструментальном уровне — в конкретных методиках. Например, в методике Келлермана-Плутчика одна из шкал называется «Реактивные образования» или «Гиперкомпенсация». С точки зрения авторов опросника считается **ненормальным**, если человек брезгает порнографией (вопрос 59), если человек возмущается вульгарным шуткам (вопрос 56), если ему неловко от мысли, что члены его семьи ходили бы дома голыми (вопрос 14) и т. д. Понятно, что если в обществе, как на Западе, официально узаконены однополые браки, то хождение голым дома представляется вполне нормальным, а неприя-

тие этого тогда объявляется «реактивным образованием» и «гиперкомпенсацией».

Не менее важен антропологический критерий и в христианском контексте, поскольку участие психолога в оказании помощи христианину возможно только с опорой на христианскую антропологию (в правильном ее понимании).

В конечном итоге, нужно иметь в виду, что главным инструментом психолога (психотерапевта) является он сам, его личность. Это **личностный** критерий. С христианской точки зрения речь идет о воцерковленности самого специалиста и его мировоззрения. С секулярной точки зрения можно говорить об уровне его профессиональной подготовки, моральном и нравственном состоянии, отсутствии в его мировоззрении оккультизма, псевдонаучных концепций и т. д. С сожалением приходится констатировать, что некоторые православные священники не устояли «перед соблазном современной психотехнологии» (Сургучев. 2003).

В психоанализе пациент может годами копать в своем прошлом — и все без реального эффекта. Сам психоанализ «как раб к тачке» (выражение К. Юнга) прикован к «анализу прошлого». А для человека не менее важно его *будущее*, что показал А. Адлер (1870–1937) в своей «Индивидуальной психологии». Некоторые психологи называют это коперниканской революцией в психологии. Но большая часть западной психологии так и осталась вне этой революции, а христианство изначально строилось на этом принципе (Зенько. 2023, с. 284).

Здесь важен критерий **целостности**: без целостного подхода к человеку и к его проблемам их решение будет частичным, а часто — и иллюзорным. Эта целостность необходима в разных контекстах: структурном, функциональном, временном, содержательном и др.

Структурно-функциональная целостность предполагает, чтобы при любом частном воздействии на психику человека, учитывались целостные его последствия. Чтоб не получалось как в современной медицине: одно — лечим, другое — калечим.

Временная целостность: должно быть правильное соотношение тактики и стратегии, прошлого, настоящего и будущего. Важно учитывать, к каким результатам приводит то или иное психологическое воздействие (особенно в долгосрочной перспективе). Многие психологические методы ориентированы на достижение конкретного и быстрого результата, но это неправильная стратегия — фактически по принципу: «завтра — хоть потоп». Должны учитываться перспективные, стратегические цели и задачи жизни. А в христианском контексте и вообще речь идет не только об этой земной жизни, но и «жизни будущего века», т. е. временная перспектива простирается в бесконечность.

Содержательная целостность предполагает внутреннюю согласованность и непротиворечивость психологического учения или частного метода. Много проблем в западной психологии возникает из-за ее **эkleктизма**: каждый специалист принес в нее то, что ему понравилось, а в результате получилось нечто весьма сомнительное, как с психологической, так и с духовной точки зрения. Особенно важно это для христианского психолога, которому нужна не только профессионально психологическая целостность, но и построение целостного христианского мировоззрения.

Основные выводы:

– С точки зрения христианского мировоззрения нежелательно и вредно использовать такие методы, которые подавляют волю пациента (гипноз, различные формы суггестии), формируют психологическую зависимость от специалиста, уводят человека от реальных проблем, приводят человека к измененным состояниям сознания, явно или скрыто манипулируют человеком. Не только с христианской, но и с психологической точки зрения важно, чтобы при оказании психологической помощи человек делал осознанный выбор, нес за него ответственность, прикладывал личные усилия, становился более целостным.

– Для оценки психологических и психотерапевтических методов и направлений было выделено несколько критериев. Ересилогический: насколько они противоречат христианству, отдаляют человека от Христа и Церкви, имеют оккультный характер и т. д. В светском варианте этот критерий можно сформулировать как критерий психологической и духовной безопасности. Близок ему и критерий соответствия традиционным российским духовно-нравственным ценностям — где православие будет подразумеваться как основной культуро-образующий фактор. Антропологический критерий необходим для анализа того учения о человеке, которое лежит в основании любого психологического метода или направления. Личностный критерий направлен на оценку специалиста, его профессионализма, морально-нравственных качеств и его мировоззрения. Критерий целостности: без целостного подхода к человеку и к его проблемам, их решение будет частичным, а часто — и иллюзорным. Эта целостность необходима в разных контекстах: структурном, функциональном, временном, содержательном.

– В организационном плане необходима совместная работа психолога и священника. Даже с научной точки зрения отмечено «лечебное влияние религиозной веры на психические заболевания». Это из методических рекомендаций НИЦ им. В. П. Сербского «Основы организации медико-психологической помощи гражданам, перенесшим тяжелый стресс» (Основы организации... 2023, с. 25). Спасибо о. Киприану (Буркову), что он обратил наше внимание на этот важный факт (см. его доклад в настоящем издании).

– В более широком контексте можно говорить о сотрудничестве психологии и христианства в деле решения актуальных современных проблем. Безусловно, что многовековой христианский опыт душепопечения и борьбы со страстями мог бы быть крайне полезен современной психологии и психотерапии.

Литература

Антоний (Логоinov) игум. Психоанализ сквозь призму оккультной психологии (Опыт богословского и религиозно-философского исследования) // Обитель Слова. Альманах. Вып. 2. Н. Новгород, 2003. С. 86–134.

Гусев Виктор свящ. Помочь понести тяготы на пути ко спасению // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 3 (38). С. 187–191.

Дронов Михаил прот. Православная аскетика и психоанализ // Альфа и Омега. 1998. № 2. С. 248–275.

Зенько Ю. М. Психология религии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2009. 552 с.

Зенько Ю. М. Православная психология. СПб.: ЦХПА, 2023. 320 с.

Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Юнга. М., Киев, 1998.

Основы организации медико-психологической помощи гражданам, перенесшим тяжелый стресс: Методические рекомендации. М.: НМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, 2023.

Сургучев Петр свящ. Православный священник перед соблазном современной психотехнологии // Обитель Слова. Альманах. Вып. 2. Н. Новгород, 2003. С. 145–168.

Феофан Затворник свт. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М.: Изд-во Моск. Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2014.

Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: наука о душе. М.: Владос, 2001. 206 с.

Чин отречения от занятий оккультизмом // Дороги, ведущие в ад. СПб., 1996. С. 179–183.

Швецов Валерий прот., Шеховцова Л. Ф., Снетков В. М., Ошко Н. В., Бондарев Н. В., Лепехин Н. Н., Любезина Г. В., Рачкова В. А. Критерии применимости психотерапевтических методов с позиции христианского учения о человеке // Расширенное заседание Общества православных врачей Санкт-Петербурга 8–10 мая 2001 г. СПб., 2001. С. 31–36.

Юревич Д. В. Анализ учения К. Роджерса с христианской точки зрения // Служба практической психологии в системе образования. Сборник статей. Вып. 4. СПб., 2000. С. 91–94.

Weiner I. B., Bornstein R. F. Principles of psychotherapy: promoting evidence-based psychodynamic practice. 3rd ed., John Wiley & Sons, Inc., 2009.